

УДК 81(091)

DOI: 10.18413/2313-8912-2020-6-2-0-9

Германова Н.Н.

С.Т. Кольридж как культурный посредник между Великобританией и Германией: теория символа
(Серия статей «Литературные языки и литературные традиции: контакты и влияния» под руководством д.ф.н., профессора В. Я. Порхомовского и д.ф.н., профессора И. И. Чельшиевой, Институт языкознания РАН, г. Москва)

Московский государственный
лингвистический университет
ул. Остоженка, 38, стр. 1,
Москва 11903, Россия
E-mail: nata-germanova @yandex.ru
ORCID iD: 0000-0002-1574-0517

Статья поступила 25 марта 2020 г.; принята 5 июня 2020 г.; опубликована 30 июня 2019 г.

Аннотация: В статье рассматривается деятельность С.Т. Кольриджа как посредника между культурой Германии и Великобритании, деятельность которого не сводилась к пассивному переносу идей из одного культурного контекста в другой, но включала творческую переработку и самостоятельную интерпретацию этих идей. В центре внимания находятся лингвосемиотические идеи Кольриджа, в частности его концепция символа, которую он почерпнул у немецких философов. Вслед за ними, Кольридж понимал символ как внутренне противоречивый и не до конца постижимый знак, интерпретация которого опирается не только на рациональное начало, но и на интуицию. В качестве одного из примеров контактов Кольриджа с немецкими философами анализируется введенное Кольриджем понятие «таутегоричности» символа. «Таутегоричность» символа сближает его не с метафорой, с которой символ в теории литературы соотносят значительно чаще, а с синекдохой. В понимании Кольриджа, символ есть часть того целого, которое он репрезентирует (например, парус как символ корабля остается парусом, но одновременно символизирует весь корабль). Взаимодействие Кольриджа с немецкими философами оказывается взаимным: почерпнув идею из трудов

А. Шлегеля, Кольридж создает термин, который позднее использует Ф. Шеллинг. В статье показано, что именно концепция символа лежала в основе его семиотических, эстетических и герменевтических идей. Поскольку постижение внутренне противоречивого символа требует напряженной интеллектуальной работы, Кольридж акцентировал деятельностное начало в языке и неоднозначность результатов интерпретации текста реципиентом. Утверждая, что слово может не только называть предмет, но и настроение или намерения того, кто изображает этот предмет, он подчеркивал контекстуально подвижный характер языковой семантики. Это подводило его к разработке концепции «креативного чтения», в котором читатель выступает активным со-участником коммуникации.

Ключевые слова: С.Т. Кольридж; философия языка; лингвосемиотика; символ; таутегорический знак.

Информация для цитирования: Германова Н.Н. С.Т. Кольридж как культурный посредник между Великобританией и Германией: теория символа (Серия статей «Литературные языки и литературные традиции: контакты и влияния» под руководством д.ф.н., профессора В. Я. Порхомовского и д.ф.н., профессора И. И. Чельшевой, Институт языкознания РАН, г. Москва) // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2020. Т.6, №2. С.111-121. DOI: 10.18413/2313-8912-2020-6-2-0-9

Nataliya N. Guermanova

S.T. Coleridge as an intermediary between Great Britain and Germany: a theory of symbol (Series of Papers “Standard Languages and Literary Traditions: Contacts and Influences” directed by Professor Irina I. Chelysheva and Professor Viktor Ya. Porkhomovsky, Institute of Linguistics RAS, Moscow)

Moscow State Linguistic University
38 Ostozhenka St., 119034, Moscow, Russia
E-mail: nata-germanova@yandex.ru
ORCID iD: 0000-0002-1574-0517

Received 25 March 2020; accepted 5 June 2020; published 30 June 2020

Abstract

The article discusses the role of S.T. Coleridge as an intermediary between German and British cultures, whose role was not limited to passive transfer of ideas from one cultural context to another, but involved creative elaboration and independent interpretation of these ideas. The author focusses on his linguo-semiotic ideas, in particular, on his concept of symbol, which the poet borrowed from German philosophers. Following them, Coleridge understood symbol as an internally contradictory sign which cannot be explicitly interpreted, as its interpretation goes beyond rationality and relies heavily on intuition. To illustrate Coleridge's contacts with German philosophers the concept of the tautegorical nature of symbol is analysed. It brings symbol closer not to metaphor, which symbol is traditionally related to in poetics, but to synecdoche. In the poet's view, symbol remains part of the whole which it represents (e.g. a sail symbolizing a whole ship remains still a sail). Coleridge's contacts with German philosophers proved to be two-directional: thus, inspired by A. Schlegel's works, Coleridge coined the term 'tautegorical', which was later used by F. Schelling. As shown in the article, the concept of symbol made the foundation of Coleridge's semiotic, aesthetic and hermeneutic ideas. As perception of an internally contradictory sign demands intensive mental effort, Coleridge emphasized the active nature of language and sometimes controversial results of the interpretation of a text by the addressee. Claiming that a word can designate not only an object, but also the mood and the intention of the author, Coleridge brought to light the contextually varying nature of semantics. Basing on this, he developed a concept of 'creative reading' in the process of which the reader acts as an active co-participant of the communication.

Key words: S.T. Coleridge; philosophy of language; linguosemiotics; symbol; tautegorical sign.

How to cite: Germanova N.N. (2020). S.T. Coleridge as an intermediary between Great Britain and Germany: a theory of symbol (Series of Papers “Standard Languages and

Literary Traditions: Contacts and Influences” directed by Professor Irina I. Chelysheva and Professor Viktor Ya. Porkhomovsky, Institute of Linguistics of RAS, Moscow).
Research Result. Theoretical and Applied Linguistics, V.6 (2),111-121, DOI: 10.18413/2313-8912-2020-6-2-0-9

Введение (Introduction)

Проблема трансфера знаний в становлении языковых и литературных традиций достаточно сложна: влияние в интеллектуальной сфере и заимствование идей не всегда легко отделить от случаев, когда общий интеллектуальный фон эпохи порождает сходные тенденции развития знания, и разные авторы приходят к близким выводам независимо друг от друга. Поэтому для того, чтобы обнаружить факт межкультурного трансфера, необходимо установить фигуру агента этого процесса – человека, который переносит знания, идеи из одного этнокультурного контекста в другой.

В области культурных контактов между Великобританией и Германией в XIX в. личность, по крайней мере, одного посредника установить несложно: еще при жизни С.Т. Кольриджа называли человеком, который «один держит ключи от немецкого трансцендентализма». Эта характеристика принадлежит британскому писателю, историку и философу Т. Карлайлю, и хотя последний, не слишком жаловавший Кольриджа, писал о всеобщей убежденности в том, что Кольридж сыграл в Великобритании некую исключительную роль в истолковании немецкой философии, иронически, сама необходимость оспорить значимость этой роли весьма показательна.

Однако у репутации Кольриджа как знатока и интерпретатора немецкой философии была и обратная сторона. Поскольку Кольридж нередко пересказывал увлекшие его работы без ссылки на автора, это давало критикам (среди которых был, в частности, Т. де Квинси) повод обвинять его в отсутствии оригинальности, эклектизме и даже плагиате. Вопрос о степени оригинальности взглядов Кольриджа

остаётся дискуссионным и по сей день (Keanie, 2012).

Кольридж болезненно реагировал на эту критику. В *Biographia Literaria* он посвящает несколько страниц попыткам защититься от обвинений в заимствованиях у братьев Шлегелей (обвинения в заимствованиях у Ф. Шеллинга прозвучали уже после смерти Кольриджа), утверждая, что пришел к своим философским убеждениям еще до знакомства с текстами немецких авторов, а в них просто обрел родственные души.

Эта ситуация еще раз показывает, как трудно порой отличить близость интеллектуальных позиций от некорректных заимствований, как сложно трансформируются в сознании автора, переплетаясь с собственными прозрениями, идеи, почерпнутые в другой культуре, и какой неоднозначной может быть оценка деятельности агента межкультурного трансфера.

Теоретический обзор (Theoretical Review)

Трансфер культурных ценностей (идей, литературных образов, научных понятий и терминов и т.п.) является неотъемлемой чертой развития мировой культуры (Espagne, Werner, 1988, Эспань, 2018). Сам термин «трансфер» вошел в научный обиход в 80-е гг. XX в., первоначально для исследования франко-немецких контактов (Лобачева, 2010). В культурном трансфере участвует исходная культура, целевая культура и инстанция-посредник (переводчик, издательство, научная организация и т.п.). Именно последний компонент культурного трансфера является объектом исследования в настоящей статье. Роль личностей, взявших на себя роль посредников между культурами, исключительно велика. Во многом именно

от них зависит, в какой форме будет протекать контакт: будет ли это культурное соприкосновение, культурное столкновение, культурное сращение или еще какая-то форма межкультурного взаимодействия.

Исключительная роль С. Т. Кольриджа как агента культурного трансфера между Германией и Великобританией была признана еще при жизни поэта. В настоящей статье невозможно дать подробный обзор всей научной литературы, посвященной этой проблематике. Одной из линий исследования является тщательное восстановление всех деталей пребывания Кольриджа в Германии (Михайлова, 2015; Гочаков, 2016; Лагутина, Михайлова URL: <http://www.nrgumis.ru/articles/293/>). Другие авторы анализируют лингвофилософские идеи автора (Hamilton 2007; McFarland, 1969; McKusic, 1987, 2012; Halmi 2012). В контексте настоящей статьи большой интерес представляют работы, отражающие дискуссию о характере заимствований в литературной практике Кольриджа. Наиболее резкие критики представляют поэта лишенным оригинальности плагиатором (Fruman, 1970); исследователи, в большей степени симпатизирующие ему, признают, что Кольридж не повторял, а развивал взгляды немецких романтиков, творчески объединяя их с собственными идеями и положениями предшествующей философской традиции – как античной, так и британской (McFarland 1969; Wellek 1981). Именно эта позиция, как будет показано ниже, представляется наиболее объективной.

Основная часть (MAIN PART)

С.Т. Кольридж как агент лингвокультурного трансфера между философией языка Германии и Великобританией

Кольридж заинтересовался немецкой философией и литературой еще в конце XVIII в. В это время немецкая культура была еще слабо представлена в

Великобритании. Что касается литературы, в том числе работ немецких романтиков, то она была известна британскому читателю в основном во французских переводах. Переводы трудов И. Канта на английский язык были известны с 1796 г., но его ключевые труды 1780-1890-х гг. – три знаменитых «Критики» – были переведены значительно позднее. Чтобы познакомиться с философией Канта, Кольридж начал изучать немецкий язык; известно, что он переписывался с членами Общества Канта в Великобритании.

Ключевым моментом в истории постижения Кольриджем Германии стала его поездка в Германию, которую он совершил с Вордсвортом в 1798 – 1799 гг. В Германии наиболее значительным опытом для Кольриджа стало обучение в Геттингенском университете, где он слушал лекции с февраля по июнь 1799 г. Выбор университета вызывает у его биографов некоторое недоумение: перед поездкой Кольридж думал об учебе в Йенском университете, и если бы он осуществил свои планы, он бы слушал лекции у своих кумиров – Ф. В. Й. фон Шеллинга, Ф. Шиллера, братьев Шлегелей, познакомился бы с Ф. Новалисом и Ф. Шлейермахером. Но, видимо, для Кольриджа решающим оказался престиж университета: в Геттингенском университете учились студенты со всей Европы, его библиотека считалась одной из лучших в Европе; Йенский университет еще не имел такой устоявшейся репутации.

В Геттингенском университете поэт слушал лекции Х. Г. Хайне, известного в то время филолога, комментировавшего древнюю мифологию, сочинения Вергилия, Пиндара, Апполодора, «Илиаду» Гомера; среди учеников Хайне в разные годы были А. Шлегель и Л. Тик, среди его корреспондентов – такие знаменитые литераторы, философы и литературные критики, как Г. Э. Лессинг, И. И. Винкельман и И. Г. Гердер. По мнению МакКусика, Хайне сыграл

существенную роль в формировании взглядов Кольриджа, в частности, познакомив его с трудами Гердера в области истории культуры (McKusic, 2012). В это же время семинары Х. Г. Хайне посещал Гумбольдт, так что поэт и великий немецкий мыслитель были лично знакомы. Кроме того, в Геттингенском университете Кольридж прослушал курсы антропологии и теологии, изучал историю немецкого языка, разбираал древнемецкие тексты и познакомился с идеями сравнительно-исторического языкознания (о поездке Кольриджа в Германию см. подробнее Михайлова 2015, Лагутина, Михайлова <http://www.nrgumis.ru/articles/293/>, Гочаков 2016).

Вернувшись из Германии, Кольридж продолжил, уже заочно, контакты с поэтическим и философским творчеством немецких романтиков. Его интерес к немецкому романтизму принимал разные формы. Влияние немецкого романтизма напрямую сказалось в принадлежащих перу Кольриджа переводах и литературных подражаниях немецким поэтам. Жанр маргиналий, излюбленный Кольриджем, близок к жанру литературного фрагмента Шлегеля и Новалиса. Как литературный переводчик, он познакомил читателей с «Валленштайном» Ф. Шиллера; его перевод до сих пор считают лучшим переводом этой драматической трилогии на английский язык. В сборник «Листы Сивиллы» поэт включает вольный перевод стихотворения Шиллера «Дифирамб»; список переводов, стихов и теоретических рассуждений, навеянных немецкими поэтами, можно продолжить (см. подробнее Михайлова 2015).

Материал и методы исследования (Materials and Methods)

Деятельность Кольриджа как агента культурного трансфера между Германией и Великобританией принимала различные формы, связанные с поэтическим и философским творчеством (перевод, комментарий, пересказ, подражание, творческое развитие образов, реже –

цитирование и ссылки и т.п.). В настоящей статье речь пойдет не о поэтическом творчестве Кольриджа, а о его работах лингвофилософского характера. Предметом исследования является творческая интерпретация Кольриджем заимствованного им из философии немецкого романтизма понятия «символ». В работе используются общенаучные методы описания, анализа, систематизации.

В одной статье невозможно хотя бы бегло очертить философские взгляды Кольриджа в их полноте, тем более что они не отличались последовательностью и системностью; даже обзор его лингвофилософских построений требует публикации значительно большего объема. В настоящей статье мы ограничимся анализом лингвосемиотических взглядов Кольриджа, в центре которых находилось важнейшее для философии и поэтики романтизма понятие символа.

Следует признать, что отечественному читателю Кольридж-философ пока еще известен мало. Между тем, работы философской и религиозной направленности составили важную и обширную часть его литературного наследия. Для настоящей работы наибольшее значение представляют труды «Трактат государственного деятеля» (Coleridge, 1816) и «Помощь в размышлении» (Coleridge, 1825). Философская проблематика широко представлена в его автобиографическом труде *'Biographia Literaria'* (1817) (Coleridge, 1834) и в издававшемся Кольриджем журнале *'The Friend'* (1801–1816). Уже в после смерти поэта, в XX и XXI вв. были опубликованы его важнейшие философские труды – *'Logic'* (1981) и *'Opus Maximum'* (2002). Именно работы философского характера послужили материалом для настоящего исследования.

Символ в философии немецкого романтизма и лингвофилософских трудах С. Т. Кольриджа

Символ как новый способ постижения действительности в ее

противоречиях и динамике играл огромную роль в эстетических, семиотических и герменевтических построениях немецких философов. Аверинцев так формулирует сущность символического осмысления действительности: «Предметный образ и глубинный смысл выступают в структуре символа как два полюса, невысказанные друг без друга (ибо смысл теряет вне образа свою явленность, а образ вне смысла рассыпается на свои компоненты), но и разведенные между собой и порождающие между собой напряжение, в котором и состоит сущность символа» (Аверинцев 2001: 155). В этом рассуждении подчеркивается, что всякий символ внутренне противоречив: в нем сливается особенное и общее, реальное и идеальное; с точки зрения герменевтики это означает, что постижение его смысловой структуры требует активной внутренней работы реципиента, при этом символ остается не до конца постигаемым рассудком.

Немецкие философы уделяли большое внимание разработке понятия символа. Хорошо известна дискуссия И. Гете – сторонника символического освоения мира средствами искусства – с теоретиком искусства XVIII в. И. Винкельманом, разрабатывавшем теорию аллегории. По мнению Гете, в то время как аллегория показывает во всеобщем частное, символ отражает в частном всеобщее. Гете подчеркивал неисчерпаемость смысловой структуры символа: «Символ превращает явление в идею и идею в образ, но так, что идея, запечатленная в образе, навсегда остается бесконечно действенной и недостижимой, и, даже будучи выражена на всех языках, она все же остается невыразимой» (цит. по Эко 2015: 113).

Именно романтики резко противопоставили символ и аллегория, которые до того выступали как синонимы. О символе в его новом истолковании писал И. Кант в «Критике способности суждения» (1790), подчеркивая, что

символ свойствен интуитивному и чувственному способу познания действительности. О символе писал и один из философских «вдохновителей» Кольриджа – Ф. Шеллинг. В «Философии искусства» Шеллинг четко различает схему, аллегорию и символ. Схематизм, в его понимании, это такой способ отображения действительности, когда особенное постигается через общее; в аллегории общее отображается через особенное, а символ являет собой синтез общего и особенного, где общее и особенное слиты воедино (Шеллинг, 1966: 469). Хотя Кольридж не мог прочитать этих строк (при жизни Шеллинга его «Философия искусства» оставалась неопубликованной), он был знаком с ранними работами философа, в которых тот уже начал развивать учение о символе. Он был также знаком и с работами других философов-романтиков, в частности с «Лекциями о драматическом искусстве и литературе» А. Шлегеля, впервые опубликованными в 1859 г. в пятом томе полного собрания его сочинений. По мнению исследователей, в формировании концепции символа Кольриджа особую роль сыграло его именно его знакомство с лекциями Шлегеля, в частности с его шестой лекцией, где греческих фигуры богов трактуются как символы, а не аллегории (Halmi, 2012).

Эти мысли оказываются близки Кольриджу, который стремится познакомить с концепцией символа англоязычного читателя. Вслед за немецкими мыслителями, Кольридж подчеркивает внутренне противоречивый характер символа: «Идея в высшем смысле слова не может быть воплощена ни в чем, кроме символа; и, за исключением геометрии, все символы по необходимости включают в себя видимое противоречие» (Coleridge, 1834: 90). В работе *The Statesman's Manual* Кольридж поясняет, в чем состоит неисчерпаемость смыслов символа: «Символ отличает то, что в Индивидуальном просвечивает Видовое,

или в Особенном – Общее, или в Общем – Всеобщее. И, главное, свет Вечного мерцает в Преходящем и сквозь него. Он всегда сопричастен действительности, которую делает доступной пониманию; и, провозглашая целое, остается живой частью того Единства, которое он представляет» (Coleridge, 1816: 37).

Интересно, что заочный диалог между Кольридом и немецкими философами-романтиками носил двусторонний характер. Так, Ф. Шеллинг был знаком с некоторыми философскими и литературоведческими работами Кольрида, которые вызывали у него неоднозначную оценку. С одной стороны, он несколько снисходительно отзывался об увлечении Кольрида собственным творчеством, намекая на подражательность последнего. Не без иронии Шеллинг замечает, что читать Кольрида для него все равно, что читать свои ранние произведения, замечая, впрочем, что ему приятно видеть, что его работы, даже не слишком известные на родине, так хорошо знакомы британскому автору (Hamilton, 2007: 104–105).

С другой стороны, Шеллинг позаимствовал у Кольрида слово «таутегорический» (*tautegorical*), которое поэт впервые употребил в лекции о Прометее, с которой он выступил перед Королевским литературным обществом (лекция была опубликована в 1834 г.). Этот термин был создан Кольридом из греческих слов *tautos* (идентичный) и *agoreuein* (выступать перед собранием) по аналогии с термином «аллегория». Кольридж пояснял, что «таутегорический» означает «выражающий тот же объект (которым он сам является – НГ), но с различием, в противоположность метафорам и сравнениям, которые всегда аллегоричны (то есть выражают другой предмет, но с различием)» (цит. по Halmi 2012: 335). Ф. Шеллинг использовал термин Кольрида в рассуждениях о греческих богах и героях, которые таутегоричны (а не аллегоричны),

поскольку их существование неотрывно от их значения (Halmi, 2012: 355). Для Кольрида таутегоричность греческих богов означает, что их существование надо понимать скорее буквально, а не в качестве некоторой метафоры или аллегии.

«Таутегоричность» символа сближает его не с метафорой (с которой символ в теории литературы соотносят значительно чаще), а с синекдохой. В понимании Кольрида, символ «всегда часть того целого, которое он репрезентирует» (Coleridge, 1849: 57). Понимание символа как синекдохы становится очевидным из приводимых поэтом примеров. По его мнению, предложение *'Behold our lion!'* («Посмотрите на нашего льва!»), в котором лев олицетворяет смелого воина, является аллегорическим, в то время как предложение *'Here comes a sail!'* («Приближается парус!»), сообщающее о приближении корабля, содержит символ: парус остается самим собой, являясь одновременно указанием на весь корабль [там же]. Другой пример, в котором символ приравнивается к синекдохе, находим в *'Aids to reflection'*, где автор пишет, что символ – это «реальная часть, выбранная, чтобы представить целое, как губа и выступающий подбородок являются символом человека» (Coleridge 1825: 254). Однако соотношения часть / целое могут принимать и более сложную форму. Кольридж готов усматривать символическое начало и в тех случаях, когда низший вид в мире природы является частью и проявляет некоторые качества высшего вида. В этом смысле он предлагает рассматривать «инстинкт муравьиного племени или пчелы как символ человеческого разума» (там же).

Как и другие романтики, Кольридж противопоставляет «органический» по своей природе символ аллегии, которую он трактует как «всего лишь перевод абстрактного понятия на язык картин» и называет ее «фантомным заместителем» (*phantom proxy*) (Coleridge 1816: 37). Исследователи эстетических теорий конца

XVIII в. отмечали, что к этому времени аллегория как разновидность тропа и как жанр литературного произведения уже вышла из моды. Ее единственным достоинством считалась ясность, из-за чего наиболее простые и неинтересные аллегории оказывались самыми эффективными (Halmi 2012: 353). Символ представлялся знаком с более богатым содержанием. Его создание, в отличие от создания аллегории, представлялось как процесс, имеющий интуитивные, а не только рациональные и рассудочные основания. Как писал Кольридж, идея, представленная символом, возможно, развивалась в уме автора во время создания символа подсознательно (Coleridge 1849: 57).

Соответственно, и постижение символа требовало напряженной интеллектуальной работы. Кольридж утверждал, что «каждая идея – это живая, производящая сущность, она приобщена к бесконечности ... и содержит нескончаемую способность к оплодотворению» (Coleridge, 1816: 28). Такой динамичной и подвижной оказывалась в представлении поэта и семантика отдельного слова, поскольку Кольридж включал в значение не только объект изображения, но и порожденные им ассоциации (Кольридж 1987а: 177). Как и символы, знаки языка не обозначают устойчивые, определенные раз и навсегда для всех и каждого идеи или устойчивые образы; их интерпретация требует работы мысли и воображения. Для Кольриджа, таким образом, была важна творческая природа восприятия текста и неоднозначность результатов этого процесса.

Поэтому постижение содержания текста требовало напряженного внимания и готовности следовать за мыслью автора. По мнению Кольриджа, прекрасное – это «настолько полное подчинение материи духу, что материя превращается в символ, посредством которого дух раскрывает себя... наиболее прекрасно то, где наибольшее количество препятствий к

этому раскрытию преодолено с наибольшим совершенством» (Кольридж, 1987б: 202). Здесь, в частности, интересно указание на необходимость при постижении прекрасного преодолевать препятствия.

Кольридж решительно возражал против бездумного легкого чтения, сравнивая «ленивое полу-внимание» с «умственным зевком» (Coleridge, 1831: 21). Привычку видеть в чтении простое приятное времяпровождение он считал бедой современного ему мира, где все читают много, но поверхностно. Мыслящий человек должен приучиться к самопознанию, наблюдая за движениями собственного разума, и одновременно стремиться к проникновению во все повороты мысли автора, воспроизводя в своем сознании ход авторской мысли (Coleridge, 1831: 18, 21). Настоящее чтение, по Кольриджу, – это креативный процесс, в котором читатель выступает активным со-участником коммуникации. Соответственно, автор не должен был облегчать читателю умственную работу: Кольридж был противником легкого стиля, не требовавшего от читателя умственных усилий; его собственный стиль многие читатели воспринимали как затрудненный (Германова, 2017, 2018).

Примечательно, что в XX в. сходные мысли о множественности интерпретаций текста и активной роли читателя высказывались такими филологами-постмодернистами, как Р. Барт, Ю. Кристева, Ж. Деррида. Однако приходится признать, что в данном случае говорить о культурном трансфере не приходится: философия постмодернизма имела другие истоки и, несколько можно судить по работам авторов-постмодернистов, не опиралась на лингвофилософские идеи романтизма.

Заключение (CONCLUSIONS)

Таким образом, развитие Кольриджем концепции символа как внутренне противоречивого и не до конца постижимого знака, интерпретация

которого опирается не только на рациональное начало, но и на интуицию, лежало в основе его семиотических, эстетических и герменевтических идей. Оно подводило его к акцентированию деятельностного начала в языке, выявлению контекстуально подвижного характера языковой семантики и разработки концепции «креативного чтения», подразумевавшего не пассивное усвоение содержания прочитанного, но активный диалог читателя с писателем. Эти взгляды были во многом определены его увлечением творчеством немецких романтиков, с идеями которых он, в свою очередь, знакомил британских читателей.

Кольриджа, таким образом, можно охарактеризовать как агента культурного трансфера между Великобританией и Германией, деятельность которого не сводилась к пассивному переносу идей из одного культурного контекста в другой, но подразумевала творческую переработку и самостоятельную интерпретацию этих идей. Такая адаптация культурных ценностей в воспринимающей культуре является неотъемлемой чертой культурного трансфера.

Список литературы

Аверинцев С. С. Символ // София-Логос. Словарь. 2-е, испр. изд. К.: Дух і Літера, 2001. С. 155–161.

Германова Н. Н. Герменевтика эпохи Романтизма: концепция «креативного чтения» С.Т. Кольриджа // Человек в информационном пространстве: понимание в коммуникации. Ярославль, изд-во ЯГПУ. 2017. Т.1. С.87–94.

Германова Н. Н. Автор – текст – читатель: Герменевтика в Великобритании в эпоху Просвещения и Романтизма // Этнопсихоллингвистика. 2018. №1. С.63–76.

Гочаков С. В. Генезис философской мысли С.Т. Кольриджа и влияние путешествия в Германию на литературно-критические взгляды поэта // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А, Гуманитарные науки. 2016. № 10. С. 59–61.

Кольридж С. Т. *Biographia Literaria* или Очерки моей литературной судьбы и

размышления о литературе / С. Т. Кольридж. Избранные труды. пер. В. М. Герман, В. В. Роговой. М.: Искусство, 1987а. С. 381–85.

Кольридж С. Т. О принципах истинной критики // С.Т. Кольридж. Избранные труды. Пер. Г. В. Яковлевой, Е. С. Дунаевской. М.: Искусство, 1987б. С. 188–207.

Лагутина И. Н., Михайлова А. Е. Письма сатира: путешествие Кольриджа в Германию в 1798-1799 гг. [Электронный ресурс] // Новые российские гуманитарные исследования. URL: <http://www.nrgumis.ru/articles/293/> (дата обращения 29.03.2019).

Лобачева Д. В. Культурный трансфер: определение, структура, роль в системе литературных взаимодействий // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2010. № 8 (98). С.23–26.

Михайлова А. Е. "Biographia Literaria" С.Т. Кольриджа в контексте немецких влияний. Дисс...на соискание ученой степени к. филол. наук. М., 2015.

Шеллинг Ф. В. Й. Философия искусства. М.: Мысль, 1966.

Эко У. Искусство и красота в средневековой эстетике. – М.: Издательство АСТ, 2015.

Эспань М. История цивилизаций как культурный трансфер. М.: Новое литературное обозрение, 2018.

Coleridge, S. T. *The Statesman's Manual, Or, the Bible the Best Guide to Political Skill and Foresight: A Lay Sermon, Addressed to the Higher Classes of Society: with an Appendix, Containing Comments and Essays Connected with the Study of the Inspired Writings*. London: Gale and Fenner, 1816.

Coleridge, S. T. *Aids to Reflection in the Formation of a Manly Character on the Several Grounds of Prudence, Morality, and Religion*. London: Printed for Taylor and Hessey, 1825.

Coleridge, S. T. *Biographia Literaria: Or, Biographical Sketches of My Literary Life and Opinions*. New York: Leavitt, Lord & Company, 1834.

Coleridge, S. T. *Notes and Lectures Upon Shakespeare and Some of the Old Poets and Dramatists*. Vol. II. London: W. Pickering, 1849.

Coleridge, S. T. *The Friend: a series of essays to aid in the formation of fixed principles in politics, morals, religion*. Burlington: Chauncey Goodrich, 1831.

Coleridge: Lectures on Shakespeare (1811-1819), Edinburgh: Edinburgh University Press, 2016.

Espagne, M., Werner, M. Transferts, *Les Relations interculturelles dans l'espace franco-allemand (XVIIIe et XIXe siècle)*, Paris: Editions Recherches sur les Civilisations, 1988, P. 11–34.

Fruman, N. Coleridge: The Damaged Archangel. New York: G. Braziller, 1971

Halmi, N. Coleridge on allegory and symbol, *The Oxford Handbook of Samuel Taylor Coleridge*, Oxford: Oxford University Press, 2012, P. 345–358.

Hamilton, P. Coleridge and German Philosophy: The Poet in the Land of Logic. New York: A&C Black, 2007.

Keanie, A. Coleridge and plagiarism, *The Oxford Handbook of Samuel Taylor Coleridge*, Oxford: Oxford University Press, 2012, P. 435–454.

McFarland, Th. Coleridge and the Pantheist Tradition. Oxford: Clarendon Press.1969.

McKusic J. (1987), Coleridge's Logic: a Systematic Theory of Language // *Papers in the History of Linguistics: Proceedings of the Third International Conference on the History of the Language Sciences*, Amsterdam–Philadelphia: John Benjamins Publishing, 1987, P. 479–489.

McKusic, J. Coleridge and Language Theory, *The Oxford Handbook of Samuel Taylor Coleridge*, Oxford: Oxford University press, 2012, 572–587.

Wellek, R. A History of Modern Criticism 1750 – 1950. Volume 2. The Romantic Age. Cambridge: Cambridge University press, 1981.

References

Averintsev, S. S. (2001). Simvol in *Sofiya-Logos. Slovar'. 2-e, ispr. izd.* (p.p. 155-161). K: Duh i Litera (in Russian).

Germanova N. N. (2017). Hermeneutics of the Romantic era: the concept of "creative reading" by S. T. Coleridge. *Chelovek v informacionnom prostranstve: ponimanie v kommunikacii. YArosavl'*, izd-vo YAGPU. 2017,1, 87–94.

Germanova, N. N. (2018). Author-text-reader: Hermeneutics in Britain in the age of Enlightenment and Romanticism. *Etnopsiholingvistika*, 1, 63–76 (in Russian)

Gochakov, S. V. (2016). The Genesis of S. T. Coleridge's philosophical thought and the influence of travel to Germany on the poet's

literary and critical views. *Vestnik Polockogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya A, Gumanitarnye nauki*. 10, 59–61(in Russian).

Kol'ridzh, S. T. (1987a). *Biographia Literaria or Ocherki moej literaturnoj sud'by i razmyshleniya o literature* Translated by V. M. German and V. V. Rogovoj. M, Russia: Iskusstvo (in Russian)

Kol'ridzh, S. T. *O principah istinnoj kritiki* (p.p.188–207.) in S.T. Kol'ridzh. *Izbrannye trudy*. Translated by G. V. Yakovlevoj and E. S. Dunaevskoj. M.: Iskusstvo (in Russian).

Lagutina, I. N., Mihajlova A. E. Pis'ma satira: puteshestvie Kol'ridzha v Germaniyu v 1798-1799 gg. Retrieved from: *Novye rossijskie gumanitarnye issledovaniya*. <http://www.nrgumis.ru/articles/293/> (in Russian)

Lobacheva, D. V. (2010). Cultural transfer: definition, structure, role in the system of literary interactions. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 8 (98), 23–26 (in Russian).

Mihajlova, A. E. (2015). *Biographia Literaria" S.T. Kol'ridzha v kontekste nemeckih vliyanij*. Ph.D. dissertation, M., Russia (in Russian).

Eko, U. (2015). *Iskusstvo i krasota v srednevekovoj estetike [Art and beauty in medieval aesthetics]*, M., Russia: Izdatel'stvo AST (in Russian).

Shelling, F. V. J. (1966). *Filosofiya iskusstva [Philosophy of art]*, M. Russia: Mysl'(in Russian).

Espan', M. *Istoriya civilizatsij kak kul'turnyj transfer [History of civilizations as a cultural transfer]*, M., Russia: Novoe literaturnoe obozrenie (in Russian).

Coleridge, S. T. (1816). *The Statesman's Manual, Or, the Bible the Best Guide to Political Skill and Foresight: A Lay Sermon, Addressed to the Higher Classes of Society: with an Appendix, Containing Comments and Essays Connected with the Study of the Inspired Writings*. London, UK: Gale and Fenner.

Coleridge, S. T. (1825). *Aids to Reflection in the Formation of a Manly Character on the Several Grounds of Prudence, Morality, and Religion*. London, UK: Printed for Taylor and Hessey.

Coleridge, S. T. (1834). *Biographia Literaria: Or, Biographical Sketches of My Literary Life and Opinions*. New York: Leavitt, Lord & Company,.

Coleridge, S. T. (1849). *Notes and Lectures Upon Shakespeare and Some of the Old Poets and Dramatists*. Vol. II. London: W. Pickering.

Coleridge, S. T. (1831). *The Friend: a series of essays to aid in the formation of fixed principles in politics, morals, religion*. Burlington: Chauncey Goodrich.

Coleridge: Lectures on Shakespeare (1811-1819), (2016). Edinburgh: Edinburgh University Press.

Espagne, M., Werner, M. (1988). Transferts, *Les Relations interculturelles dans l'espace franco-allemand (XVIIIe et XIXe siècle)*, Paris: Editions Recherches sur les Civilisations, 11–34.

Fruman, N. (1971). *Coleridge: The Damaged Archangel*. New York: G. Braziller.

Halmi, N. (2012). *Coleridge on allegory and symbol*, *The Oxford Handbook of Samuel Taylor Coleridge*, Oxford: Oxford University Press, 345–358.

Hamilton, P. (2007). *Coleridge and German Philosophy: The Poet in the Land of Logic*. New York: A&C Black.

Keanie, A. (2012). *Coleridge and plagiarism*, *The Oxford Handbook of Samuel Taylor Coleridge*, Oxford: Oxford University Press, 435–454.

McFarland, Th. (1969). *Coleridge and the Pantheist Tradition*. Oxford: Clarendon Press

McKusic J. (1987). Coleridge's Logic: a Systematic Theory of Language. *Papers in the History of Linguistics: Proceedings of the Third International Conference on the History of the Language Sciences*, Amsterdam–Philadelphia: John Benjamins Publishing, 479–489.

McKusic, J. (2012). *Coleridge and Language Theory*, *The Oxford Handbook of Samuel Taylor Coleridge*, Oxford: Oxford University press, 572–587.

Wellek, R. (1981). *A History of Modern Criticism 1750 – 1950*. Volume 2. The Romantic Age. Cambridge: Cambridge University press.

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

Германова Наталия Николаевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры общего и сравнительного языкознания, Московский государственный лингвистический университет

Nataliya N. Germanova, Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Professor at the Department of General and Comparative Linguistics, Moscow State Linguistic University